

**Василий
ВОРОН**

**Две
СТОЛИЦЫ
РОССИИ**

12+

Василий Ворон

**Две столицы России.
Сборник эссе и рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ворон В.

Две столицы России. Сборник эссе и рассказов / В. Ворон —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Эссе «Две столицы России»: давайте представим, что Санкт-Петербург и Москва - это два человека. Какие они, эти люди? Чем занимаются, что любят? А если они родственники? И ведь они действительно родственники...Рассказ «Слезы амазонки»: отец ищет встречи со своим уже взрослым ребенком и боится сделать первый шаг. Решая подстраховаться, он находит очень оригинальное решение для первого свидания, даже не догадываясь, к чему оно может привести.Рассказ «Девять жизней Василия Бугрова»: в Санкт-Петербурге жива легенда о коте, спасшем свою семью во время блокады Ленинграда тем, что приносил свою невеликую добычу людям.И еще два эссе и один рассказ на темы любви, искусства и маленького, но важного оберега России.

Содержание

Две столицы России	5
Живая душа	8
Российский рубль и его тотем	11
Слёзы амазонки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Две столицы России

эссе

Взаимоотношения Санкт-Петербурга и Москвы мне представляются так же, как и отношения двух людей. В моём мировосприятии Питер и Москва – это мужчина и женщина. Непременно брат и сестра. Москва – старше. Женщина деловая и рациональная, однако, со своими бабьими вывертами. Питер, говоря языком Пушкина – «молодой повеса». То бишь смахивает на Онегина. А значит, умен, с характером, но и лоботряс изрядный.

Далее подробнее.

Портрет города.

Санкт-Петербург

Честолюбив, но не карьерист. Хорош собой до степени, подсмотренной у некоторых людей: всё, что ни наденет, смотрится на нём изящно и небрежно одновременно. Причём это касается как смокинга, так и потёртой телогрейки. Фотогеничен до неприличия: с любого ракурса, в любой позе сродни фотомодели. Брутален: умеет навести лоск и выигрышно смотрится как при параде (Невский проспект), так и с недельной щетиной, с бодуна и в обносках (знаменитые дворы-колодцы с красочными помойками и иными обшарпанными кулисами). Не дурак выпить и дунуть, но делает это в меру и по делу. Иногда, впрочем, переживает и с тем, и с другим. По натуре одиночка, часто впадает в сплин и преспокойно пьёт горькую в одиночестве, ничуть не тяготясь этим обстоятельством. Спит и бодрствует урывками. Обожает белые ночи и редкое солнце, привык быть готовым к дождю всегда и везде, как пехота к бомбежке. Философ и поэт, натура, тонко чувствующая прекрасное, могущая при этом существовать в жутковатых условиях коммунальной квартиры.

Иллюстрация (декорации питерские).

Суровая коммуналка под самой крышей. Сквозняк настойчиво напоминает о ветреной и сырой зиме. За окном мрачно зевает двор-колодец, над крышей небритой щетиной торчат многочисленные антенны, вяло висят провода. Над всем этим торжественно реет провозвестником жизни и Веры купол Исаакия, попирая тлен, срам и уныние. Онегин-2.0 сидит перед монитором и по скайпу читает прекрасной незнакомке стихи Бродского. На нем модная майка с принтом, залитая снизу эспрессо, в его изящно отставленной руке, в точности повторяющей фрагмент картины Микеланджело «Сотворение Адама» дымится сигарета. Онегин читает «Письма римскому другу», яростно подчеркивающие действительность за его спиной, с пунктиром неустрашимых тараканов на стене, давно не видевшей обоев.

Конец иллюстрации.

Онегина не тяготит ничего: ни провал перспективных некогда переговоров с финнами, за которые ему достанется на орехи от генерального и не достанется премия, ни угроза увольнения, ни отсутствие перспектив карьерного роста. Тяготит его лишь пустая пачка сигарет, из-за которой придется набросить на себя что-нибудь и выйти на улицу. Он обожаем женщинами, но верен принципу вечного бабника и холостяка. С деньгами, если они есть, расстается легко и подчас глупо.

Теперь следующий персонаж.

Портрет города.

Москва

Зрелая красивая женщина, тщательно следящая за своей внешностью, безжалостно, и, не взирая на стоимость, борющаяся с признаками старения. Одевается смело и броско, сочетая модные бренды и безвкусный авангард. Иногда получается икона стиля, иногда кострома

(в первоначальном значении не город, а безвкусно и пёстро одетая баба). Умна и независима. Никогда не сидит без копейки денег: много, но бессистемно зарабатывает. Редко ложится раньше трёх ночи, и терпеть не может вставать до десяти. Королева тусовок, обожает вечеринки, презентации и коктейли. Считается роковой женщиной. Провинциалов тайно презирует, однако же, с удовольствием пользуется их услугами. Живет одна в шикарном квартире, заполненной антиквариатом вперемежку с плохими репликами. Можно найти недурные оригиналы известных художников, соседствующие со скверным авангардом и творениями арбатских мазил. Не придает значения факту поломки часов Павла Буре в шикарном чугунном подчаснике каслинского литья, но выходит из себя из-за стрелки на чулке. Забить в стену гвоздь для нее не проблема, даже если выйдет криво – всё равно после найдется тот, кто это исправит. Деньги тратит с оглядкой, иногда, впрочем, может щедро и безвозмездно одарить далекого бедного родственника.

Иллюстрация (декорации московские).

Тусовка на квартире некоего мажора и хама, в пределах Садового кольца. За окном шикарный вид на древние купола, по-хозяйски перечеркнутый рекламной растяжкой салона красоты. Парящий на улице звон к вечерне безвестного звонаря, послушать которого сочли бы за честь знатоки перезвона и ценители русских колоколов, заглушает модная современная какофония. Пузырится кальян, одуревший породистый кот примеривается к чьим-то, оставленным в прихожей, коллекционным ботинкам.

Марго (назовем её так) в одной из комнат, скинув лабутены, сидит на широком подоконнике, сверкая коленками, и звонко хохочет, слушая неприличный анекдот в компании трех нетрезвых соискателей. Слышен трезвон мобильного. Марго сдергивается с подоконника, хватая валяющийся на диване клатч, выуживает телефон. На экране миловидная старушка, надпись «Мама». Марго делает знак соискателям, чтоб не шумели, слушает. Отвечает коротко, раздражается. Жестиккулирует. Хмурит выщипанные татуированные бровки. Вздыхает. Прячет мобильник в клатч, надевает лабутены и, не обращая никакого внимания на соискателей, спешно уходит. Спустя пару минут снизу доносится звук отъезжающего с парковки авто.

Конец иллюстрации.

Итак, Питер и Москва – брат и сестра. Единоутробные, но отцы разные. Отношения между собой хорошие, но не наилучшие. Любят подтрунивать друг над другом, иногда грубовато. До открытых столкновений и раздоров никогда не доходит. Ревнивы по мелочам, каждый мнит себя на голову выше другого, но по поводу лидерства давно не спорят: Москва охотно уступила бы шапку Мономаха брату, но Питер бы ее не принял. И если дело доходит до самого главного, не раздумывая, приходят друг другу на выручку. Подчас жертвуя собой. Как было в 1812-ом, и в 1941-ом. То есть настоящие брат и сестра. Родные люди.

В Москву принято совершать паломничества. Чтобы потом гордо показывать родным фотографии на фоне знаковых мест. Это, конечно же, Красная площадь, Кремль, Воробьевы горы и непременно ГУМ и ЦУМ, чтобы подкрепить священный хадж покупками. И обязательно прокатиться в знаменитом метро, самом красивом в мире. И всё это надо делать большой компанией – по крайней мере, не менее трех человек.

В Москве легко заблудиться. Достаточно взглянуть на карту и проследить траекторию Москва-реки. Это тугая и долгая девичья коса, павшая на подушку. Ландшафт тоже не ровный, как и женская логика.

Вся Москва состоит из колец: Бульварного, Садового, не такой романтической кольцевой автодороги. Есть еще третье транспортное кольцо и два кольца в метро. Теоретически, если двигаться только по кругу, можно вернуться в то место, откуда стартовал. Но не всё так просто в Москве. Бульварное кольцо, хоть и называется кольцом, не смыкается. На авто и вовсе есть риск заехать не туда из-за плотности движения, лихих развязок и загадочных инструк-

ций навигатора. Если же двигаться пешком, то на это есть кривоколенные и другие не менее коварные переулочки, улочки, и даже тупики. В путешествии по Москве необходимо обзавестись картой, справочниками и деньгами. Лучше всего, если у вас будет надежный провожатый. Еще лучше, если он будет не один. Впрочем, необходимо запомнить: найти в Москве москвича невозможно. Аборигены тщательно маскируются, сидя по домам, причем дома эти рассредоточены по спальным окраинам. В центре живут понаехавшие со всех концов страны. Они же, кстати, находятся и в Кремле.

Москва предполагает кутежи. Раньше – с цыганами, Славянским базаром, и дрессированным медведем, обученным плясать и пить водку. Сегодня география загулов значительно расширилась. Начать можно в любом центральном ресторане с серебряными приборами и вышколенными официантами, а очнуться в заштатной забегаловке с одноразовой посудой и трупами сытых тараканов.

В Питере дело обстоит иначе. Туда едут не паломники, а те, кто хочет пиршества духа и медитации. К этому располагает архитектура и сама структура города на Неве. Как и холодная река, Питер прямолинеен и логически прост, как мышление мужчины. Он напоминает как японский сад камней, так и нотный стан, уже, впрочем, заполненный нотами и иными музыкальными знаками. В Питере хорошо хандрить, тщательно занозя душу различными, приготовленными заранее, терзаниями. Здесь чудесно писать стихи, целовать любимую женщину и пить водку. Допустимо часами бродить по улицам и дворам, ничуть не боясь заблудиться, потому что здесь можно идти всё время прямо и, наконец, выйти к Финскому заливу, Неве, Невскому проспекту или дверям кабака, откуда идти уже будет некуда и незачем. Здесь хорошо даже выть на луну, которую не всегда видно за тучами, подражая мостам, нацеленным ввысь. И если днем они соединяют берега, подобно скрепам, стягивающим воедино расползающийся на островки город, то ночью они непременно создают сообщение между землей и небом, где есть нечто, что всегда манит поэтов и влюбленных.

В Москве жили созданные Булгаковым Мастер и Маргарита. И именно там их навещил Воланд, сотворив невиданный шухер, так идущий лицу первопрестольной. Думается, что именно поэтому Спаситель непременно посетил бы Санкт-Петербург, так соответствующий Его настроению и вдумчивому намерению сделать мир лучше. Непременно нашлись бы и те, кто распял бы Его, например, на Пулковских высотах, отдаленно напоминающих Палестинскую Голгофу. Но не потому, что Питер так уж мрачен и зловещ. Просто Спаситель ведь и вернулся бы туда же, как и было задумано. И прошел бы Невским проспектом, свернул на Литейный, а после присел на Фурштатской, рассеянно повесив терновый венец на спинку скамейки. Хорошо ведь посидеть именно там, когда большое дело позади.

Двустоличие России неслучайно и полезно. Нет средоточия всего в одном месте. Есть правильное распределение. Богу богово – в Питере. И кесарю кесарево – в Москве. И никому не обидно. И хорошо, что пульсирует между двумя столицами Красная Стрела и другие поезда, будто токи крови между двумя полусердцами. Сокольники и Петроградская сторона, пышечная на Большой конюшенной и трактир на Пятницкой, парадное и подъезд, и, конечно же, шаверма и шаурма.

Ну, теперь понятно, отчего у двуглавого орла именно две головы? Санкт-Петербург гордо смотрит в прорубленное в Европу окно, Москва задумчиво обращена на восток.

Как и положено.

Живая душа

рассказ

Митю в поселке уважали. Потому и проводить пришли все, кто знал и не мог не прийти. Народу было много, цветами уложили весь земляной холм так, что даже креста было не видно.

Марковна держалась, глаза были у нее сухими. Соседки, правда, восприняли это с недоумением, ей даже показалось, будто бы они её за это осуждали. Марковна и сама удивлялась – как же так? Жили они с Митей хорошо, душа в душу жили и на тебе. Сама не понимала, почему нет слёз.

Заплакала она лишь вечером после поминок, когда осталась в доме одна. Ведь как помер Митя, заботы были: то в морг, то на кладбище. То поминальный стол организовать. Дочь Лиза, конечно, приехала, помогала, но всё равно ведь хлопоты. А тут кончились поминки, убрали они всё с Лизой. Дочь и уехала – к работе да семье, жизнь-то дальше идёт. Вернулась в дом Марковна. В доме никого, даже пса Лягая не было – он остался на могиле хозяина. Села она на табурет в кухне, а напротив, там, где было место Мити – пустота. Тут и слёзы потекли.

На следующий день Марковна снова пошла на кладбище, которое было совсем недалеко: цветы поправить, то, сё. Лягай лежал на притоптанной земле, положив мохнатую башку на лапы. На Марковну даже не взглянул. Вообще говоря, Марковна собак никогда не жаловала. Да и кошек, к слову, тоже. Это Митя был вечным собачником и Лягай был уже пятым его псом. Он его и кормил, и выгуливал и даже лечил, когда, например, тот же Лягай поранил лапу на прогулке. Марковна даже ворчала на своего Митю, ревновала.

Прибрав на могиле, Марковна собралась домой. Лягай лежал в той же позе. Она подошла к нему и с укором сказала:

– Ты что же это, так и будешь тут лежать?

Пёс никак не отреагировал. Марковна хотела было прикрикнуть на него, но передумала и ушла домой одна.

На следующий день взяла с собой на кладбище кусок курицы, что осталась еще с поминок, для Лягая. Вдруг поест?

Лягай угощение будто не заметил. Марковна даже рассердилась.

– Ишь ты, какой верный! Мне, может, тоже здесь с тобой остаться?

Лягай домой так и не вернулся. И две недели спустя издох. Марковна пошла к соседу по их дому, Павлу. Хороший мужик, не пьющий, семейный. С Митей они приятельствовали, на рыбалку хаживали вместе.

– Паша, помоги Лягая схоронить.

– Помер, никак? – Паша покачал головой. – Вот ведь животное, так и ушёл за хозяином...

Ночью Марковна проснулась – в доме будто ходил Митя. Она спросонья пробормотала:

– Чего ходишь? За день не находился, что ли?

И тут же вскочила. В доме было пусто. Марковна заплакала и так и не смогла заснуть до утренней зари.

На сороковины тоже было много народу. Марковна поделилась с дочкой ночным случаем. Та покивала головой:

– А как же, мама? Считается, что душа все сорок дней на земле, прощается со всеми. Мне вот, тоже, папа снился два раза.

Обсудили это. Пожалели Лягая, подивились собачьей преданности. Помянули и разошлись.

На следующий день Марковна опять ходила на кладбище – так ей казалось легче. Поправила венки, прибрала увядшие цветы, отерла портрет от пыли.

Пошла назад.

От кладбища вела дорога, проходящая через весь поселок, но Марковна ходила тропинкой – так было короче. Тропинка бежала сквозь заброшенный МТС, поодаль от остовов красного кирпича, заросших кустами и рябинами. Марковна миновала развалины и услышала, будто кто-то тихонько плачет. Осмотрелась кругом. Никого. Прислушалась. Плакали будто бы от кустов дикого малинника. Марковна опасливо подошла, прислушалась. Раздвинула цепкие ветки. В траве ползал мохнатый щенок. Он пищал, будто плакал, зовя мать.

– Как это? – спросила сама себя Марковна и огляделась, ожидая увидеть суку, но вокруг никого не было, только каркала невдалеке ворона. Марковна пожала плечами да и пошла своей дорогой. Она шла, рассеянно слушая жалкий писк щенка, и неожиданно представила себе, что бы сказал на это Митя. Щенка он, конечно, непременно подобрал бы – как же такому собачнику было пройти мимо? Но она шла именно мимо и тут же представила лицо своего Мити. Да так ясно, что аж остановилась. И будто бы сказал ей Митя так: «Что ж ты, мать, неужто этакое дитя оставишь, мимо пройдешь?» И смотрит с хитрым прищуром, будто на самом деле всё это, а не в воображении Марковны. Она даже сказала, будто отвечая ему:

– Да куда ж мне его? Что я с ним делать буду? По собакам у нас всегда ты был старшой, а я что?

И будто бы отвечает ей Митя: «А теперь ты за нас обоих будешь, мать».

Вздыхнула Марковна, но назад повернула. Отыскала щенка, взяла на руки да и понесла домой. Щенок тыкался мордой в ее кофту, на что она сердито отвечала:

– Нету у меня титек, не твоя я мать. И куда только эта сука подевалась?

Дома Марковна положила старое шерстяное одеяло на то место, которое всегда было собачьим, в кухне, сбоку от холодильника. Из холодильника же достала пакет с молоком, погрела в ковшике на плите, попробовала пальцем. Да и хватилась: как же будет лакать молоко этот сосунок? Ведь ему едва ли месяц минул.

Налила молоко в блюдце, поставила перед щенком. Ткнула мордой:

– Пей, подкидыш!

Щенок намочил морду, но лакать не стал – не умел. Марковна оставила его и пошла в чуланчик, искать бутылку.

Лизу она вскормила без всех этих ненужностей. Молоко у нее было своё, так и выкормила. Однако она помнила, что как-то Лиза приехала в родительский дом погостить со своим первенцем, Андрейкой и бутылочку с соской с собой прихватила. Да и оставила потом, забыла. Так что искать было чего.

Когда Марковна вернулась с находкой в кухню, щенок спал возле пустого блюдца. Вокруг было сухо, стало быть, щенок разобрался сам, как нужно есть новым для него способом.

– Ишь ты, оглоед, – проворчала Марковна и унесла бутылочку с соской обратно.

Вечером щенок сделал лужицу в прихожей.

– Только этого мне не хватало, – Марковна разыскала тряпку, стала прибираться. Недовольство росло. Щенок был ей ни к чему. Управившись с лужей, она отправилась к Паше. Там же, на лестничной клетке она рассказала ему о своей находке и напоследок взмолилась:

– Забери его, Паша! Накой он мне? Митя собачник был, а мне он только в тягость.

– Да мне тоже, вроде, ни к селу, ни к городу он, – почесал затылок Паша.

– Что ж мне делать-то? – Марковна с надеждой смотрела на Пашу. Тот развел руками:

– В поселке все собаководы наперечет. Дай время, Марковна. Подумаю.

Прошел месяц. Щенок рос на глазах, охотно ел не только молоко и лужи делал гораздо больше той, прежней. Да и другого тоже прибавилось. Марковна незлобно ругала его, велела терпеть, стала выводить на двор на старом поводке Лягая. А имя так и не придумала. Так и звала:

– Эй, пошли-ка до ветру!

Или:

– Эй, охламон, не смей с лапами на постель!

Щенок вытянулся, без устали носился не только дома, но и во дворе, вызывая новое недовольство Марковны. Он тянул поводок, а она ему выговаривала:

– Легче, эй! Ноги-то у меня не молоды...

Вскоре она и вовсе спускала его с поводка, в тайне надеясь, что он убежит и больше не вернётся. Не тут-то было. Лишь только Марковна подходила к дому, пёс был уже рядом, виляя большим лохматым хвостом.

Встречая Пашу, Марковна справлялась, как там дела, нет ли кому интереса забрать её найдёныша. Паша отрицательно крутил головой:

– Никто пока не желает, Марковна. Извини.

Раз в неделю Марковна ходила на кладбище к Мите. Однажды взяла с собой пса с тем расчетом, что кладбище было дальше их обычных прогулок, и вдруг он действительно потерялся бы. Но лохматый нахлебник никак не отставал от Марковны.

– Вот же навязал мне тебя господь! – вздохнула Марковна.

А ночью приснился ей сон.

Видит она свою квартирку, да в ней полно гостей – поминки по Мите справляют. Вот и кутя на столе, и блины поминальные. И чарка на буфете, крытая ломтём черного хлеба у Митинога портрета. Глядит Марковна, а и сам Митя здесь! С Пашей обсуждает что-то, будто бы рыбацьи свои дела-заботы. Обрадовалась Марковна – жив её Митя! Хочет она к нему подойти да поплакаться, как ей было без него тоскливо, да всё как-то не складывается. Вроде дел у Марковны много: то на стол чего-то еще подать, то прибрать опустошенные тарелки. И вдруг звонок в дверь. Будто опоздал кто-то к столу. Марковна открывает, а на пороге строгий милиционер. Да будто в белой форме, никогда Марковной не виданной – и китель белый, и брюки, и фуражка, и даже погоны – и те белые! И подходит чудной милиционер к Мите, да и кладет ему на плечо руку. Мол, пройдемте, гражданин! Марковна спохватывается: куда ж вы его? Как куда? – милиционер удивляется. Не положено ему тут быть. Там его уже ждут. Да где же это его ждут-то? – ахает Марковна. А милиционер этак рукой поводит на дверь – а за ней белый яркий свет, аж глазам больно. Пора! – говорит милиционер и видит Марковна, что это и не милиционер вовсе, а юноша в белых одеждах, вроде бы и крылья ангельские у него сзади виднеются. И кидается Марковна ему в ноги, и умоляет Митю ей оставить. Объясняет, что трудно ей без него, тягостно да тоскливо. Но ангел непреклонен и видит Марковна, что нет уже за столом Мити. Обернулась – и ангела нет. А сидят за столом гости, и на буфете чарка с хлебом. И тут заплакала Марковна. И слёзы льются у нее такие горячие, что аж щёки пылают.

Проснулась Марковна, не поймет ничего. Лицо у неё мокрое, да горячее. Очнулась и поняла: это пёс приبلудный ей лицо лижет. Села Марковна на постели, плачет. Башку лохматую к себе притянула и лишь приговаривает:

– С богом, стало быть... С богом!

Наутро пришел Паша.

– Ну, Марковна, нашел я владельца для пса твоего.

Марковна так и ахнула. Тут и пес подошел, ткнулся мордой в Пашины джинсы, и тут же обратно, Марковне в подол. Потрепала она лохматую башку и сказала:

– Нет, Паша. Не отдам я его. Он мне, будто, вместо Мити дан. Я уж так его и кликать стала – Митей. Прости ради бога за суету!

Так и живёт с тех пор Марковна с Митей.

С другим Митей.

Российский рубль и его тотем

эссе

Время от времени информационное пространство Российской Федерации пронзают слухи о том, что копейки – монеты по 10 и 50 копеек – могут отменить и они выйдут из обращения. А цены, дескать, округлят, дабы они не имели эти ненужные хвостики.

Автору данного текста этот шаг Министерства финансов представляется ошибочным и чреватым.

Когда российский рубль был силен? Разве что в царской России, да в иные времена бытия Советского Союза. Но ведь был? И был конвертируем. «То не беда, если за рубль дают полрубля; а то будет беда, когда за рубль станут давать в морду», – сказал как-то Сатлыков-Щедрин и уже многократно повторили как сами русские, так и русофобы и антисоветчики. Не станем уподобляться ни едкому писателю-сатирику, ни иным любителям цитат, хотя рубль нынче переживает не лучшие времена. И неофициальный его статус «деревянного», увы, так и остается поныне.

Как бы то ни было, подавляющее большинство граждан России носит в кошельках и карманах именно рубли. То же достают из банкоматов продвинутые граждане, имеющие банковские карты. То есть рубль не стоит хоронить. Если уж быть объективным, на чем зиждется вечнозеленый американский доллар? Лишь на всеобщей любви к нему во всем мире и обилию бумаги (не без помощи русского леса, кстати). Но ближе к делу.

«Копейка рубль бережет» – кто не слышал это расхожее выражение? Из ста копеек состоит рубль и сейчас. Даже если однокопеечные монеты вышли из оборота. Мыслеформа вещь крепкая и незаслуженно игнорируемая подчас. И здесь автор текста подошел к основной мысли своего повествования. Итак.

Копейка есть не только составляющая рубля, но и его тотем. Или, лучше сказать, оберег.

Чтобы построить дом, нужны бревна или кирпичи. Слова складываются из букв. Без семечек в арбузе не будет нового урожая. Человек состоит из клеток. Всё в плотном мире так или иначе построено из атомов.

Автор предлагает вспомнить, что было в стране, когда чудовищная инфляция выветрила понятие «копейка» напрочь: в ходу тогда были тысячи и миллионы рублей. Понятно, что если в стране инфляция, то это всегда несладко. Но, думается автору, не стоит все же обижать исконную конду русской экономики – копейку. Когда русский человек дарит кошелек, непременно кладет в него монетку. Иначе быть кошельку пустым – верят в это люди. Мы говорим «кошелек» – подразумеваем «деньги». Говорим копейка – вспоминаем рубль.

Копейка-оберег имела свой смысл. Монету, на которой был изображен всадник с копьем, дал Руси Великий Новгород. Изначально на монете присутствовал некий вотчинник, принимающий дары от новгородца. Это уже потом вотчинник стал Георгием Победоносцем, а под копытами его коняги прилег на долгие годы дракон, олицетворяющий Зло. На гербе Российской Федерации изображен двуглавый орел, посреди которого на геральдическом щите и сейчас попирает змея копейщик Георгий. И стоит Москва и Россия никуда не делась за кольцевой автомобильной дорогой – пережили и Наполеона, и фашистов. И дальше будем.

Не предавайте копейку. Она всё еще бережет наш рубль.

Слёзы амазонки

рассказ

Ухоженные пальцы Эммы Петровны с хищным красным маникюром цепко держали ключи, потрясая ими у лица Аглаи, словно это был сеанс гипноза. Аглая с лицом ангела покорно и терпеливо слушала наставления хозяйки.

– И никаких парней! Боже упаси, – Эмма Петровна спрятала ключи в кулачке и выставила из него указательный палец. – Узнаю – выгоню!

– Что вы, Эмма Петровна! Я же на первом курсе. Мне не до этого.

Эмма Петровна фыркнула и сказала:

– Знаем, сами такими были, – ключи снова явились на свет и были, наконец, протянуты Аглае. Та незамедлительно приняла их и для надежности убрала руки за спину. Эмма Петровна открыла дверь, обернулась на пороге и строго добавила:

– Приходить буду раз в неделю. Если что не так – выгоню!

– Хорошо-хорошо! До свидания.

Только когда Эмма Петровна скрылась из глаз за пролетом лестницы, Аглая облегченно выдохнула и немедленно скрылась в вожденной однушке. Она вприпрыжку обскакала все свое новое жизненное пространство: совмещенный санузел, кухню и комнату, где с трудом помещались диван, шкаф и старинное трюмо в углу. Аглая издала победный клич амазонок и с разбегу плюхнулась на диван, который тотчас сердито и по-старчески крякнул.

– Ладно, не буду, сорри! – поспешила его успокоить Аглая и погладила потертую обивку.

Эйфория от обладания пусть временным, но все же своим жилищем быстро испарилась от ежедневной студенческой рутины. На первом курсе было не до халявы – прогулы и тусовки. Аглая сразу решила исключить и к первой сессии добраться без хвостов и прочих проблем. Учеба в универе, кроме шанса обрести диплом, давала возможность жить одной без опеки матери так, как она считала нужным. Это была долгожданная свобода да еще в городе, а не в унылом поселке, из которого она мечтала удрать с того момента учебы в школе, когда мама позволила ей не носить косички и вообще выглядеть так, как бы ей хотелось. С младых ногтей Аглая хотела стать амазонкой – отважной и воинственной женщиной из легенд – но мама этого не поняла бы, ведь даже про стрельбу из лука она ничего не захотела слышать, утверждая, что это чисто мальчишеское занятие, недостойное девочки. Тем не менее, лук и стрелы, изготовленные самостоятельно, были у Аглаи самыми лучшими во дворе, даже мальчишки это признавали, хоть и неохотно. Вообще с мальчишками она водилась запросто, что, конечно, было не к лицу истинной амазонке, но Аглая успокаивала себя тем, что сначала надо было научиться у них разным полезным штукам, как то: далеко плеваться, быстро бегать и метко кидать камни. Она знала, что настоящие амазонки живут без мужчин, но с ребятами ей было гораздо интереснее, чем с девчонками. У нее и подруг-то не водилось и лучшим другом у нее был Колька по кличке Американец. Они и в школе сидели за одной партой. Еще только когда они стали дружить, некоторые пацаны стали дразнить Американца, за что он их колотил. Дразнить перестали только после того, как Аглая каждого, кто задирал его друга, отловила отдельно от остальных и накидала люлей, чтоб не повадно было. Мальчишки признали её за своего и больше никаких насмешек не было. Наверное, ее отец был бы этому только рад, но беда была в том, что отца у Аглаи не было. Вернее, он был очень давно, когда она была совсем маленькая – нянчила кукол и носила глупые косички с бантами – а потом ушел из дома навсегда. Мать не любила об этом вспоминать и вообще разговоры про отца немедленно и сердито пресекала, твердя про то, что они и без него прекрасно проживут.

Каждое утро новой жизни во время учебы начиналось одинаково. Собственно, каждый день и вечер, а так же и утро были похожи друг на друга. Аглая выползала из постели, говоря себе, что вечером не станет засиживаться за компом дольше вчерашнего и хоть раз нормально выспится. Кое-как приведя себя в порядок за рекордный для каждой девицы час времени, она бежала в универ. Добросовестно высидев все пары и записав все конспекты, которые было положено записать, она спешила в магазин, покупала строго определенный набор продуктов и отправлялась домой. Само собой, это время суток было самое лучшее. Она обедала и зависала в Сети. А потом всё оттягивала тот момент, когда нужно будет оторваться от экрана и лечь спать.

Этот марафон нарушил парень из универа, Андрей. Он чем-то напомнил ей Американца и, взяв инициативу в свои руки, Аглая стала его соседкой на всех парах, перекусах-перерывах и т.д. Андрей был не против.

Как-то возвращаясь из универа и параллельно из магазина с сумкой, где болталась бутылка молока, пакет овсянки и пара глазированных сырков, она столкнулась на лестнице с дедком. Ну, как столкнулась – она скакала через ступеньку наверх, а он поднимался впереди, таща за собой хозяйственную сумку-тележку. Аглая ловко и быстро обогнала его, сказав на ходу дежурное «здрасьте», но спохватилась, обернулась.

– Ой! Давайте я помогу!

Дедок был согбенный, в потертом пальтишке. Видавшая виды кепка нависала над мощной оправой старомодных очков, которые Аглая видела только в черно-белых фильмах, где действовали физики-ядерщики или другие неразговорчивые ученые. Еще у деда была богатая борода, почти как у Деда Мороза, но не белая, а всего лишь с крепкой проседью. Дед удивленно посмотрел на Аглаю и сказал:

– Дай бог здоровья, дочка. Да я уж пришел. Вон моя дверь, – и он кивнул вверх через лестничный пролет. Аглая мягко отняла у него сумку и поволокла. Добравшись до двери, она спросила:

– Эта?

Дед кивнул и Аглая добавила:

– Да мы с вами соседи! Я вот здесь, напротив, живу. Квартиру снимаю.

– Хорошо, дочка. Я дядя Паша, – он медленно поднимался по ступенькам, доброжелательно кивая бородой. – Спасибо тебе.

– А я Аглая, студентка. Учусь у вас тут, – она оставила сумку перед дверью и отправилась к себе.

Вечер следующего дня начался так же: Аглая снова поднималась по лестнице с пакетом, где на этот раз болтался батон белого хлеба и пакет кефира. Добравшись до двери своего логова, она принялась искать ключи в рюкзаке, когда за спиной тихо щелкнул замок и из двери напротив выглянул ее новый знакомый сосед дядя Паша. Его борода сильно топорщилась в разные стороны: он как-то заискивающе и очень радушно улыбался.

– Эй, дочка, отучилась?

– А, дядь Паш. Да, еле жива, – ключи все не находились в суматошном чреве рюкзака и откуда-то как назло тянуло чем-то страшно вкусным. Будто отгадав ее мысли, дядя Паша хитро спросил:

– Оголодала, поди?

– Как волк! – ключи, наконец, были найдены, и Аглая выудила их на свет. Дядя Паша торопливо выпалил:

– А ну-ка, заходи на огонек!

Аглая звякнула ключами:

– Нет, дядь Паш. Потом как-нибудь, ладно?

Но дядя Паша и не думал отступать:

– Э, нет! Ты мне вчера пособила, теперь мой черед. Заходи, кому говорят!

И только тут Аглая догадалась, откуда же это так пахло на площадке.

Квартирка у дяди Паши была не в пример больше Аглаиной. Впереди по коридору угадывались еще как минимум две комнаты, но хозяин пригласил ее направо, в кухню. Та была такой же маленькой, как и у Аглаи, но зато здесь было то, чего никак не могло быть у нее: на плите стояла огромная кастрюля и наполняла всю вселенную ароматом настоящего борща!

Дядя Паша с видимым удовольствием наблюдал за тем, как Аглая судорожно слотнула и скомандовал будто адмирал на параде:

– Ну-ка, мой руки! – и кивнул на мойку в углу: – Прямо тут можно.

Аглая нашла у мойки мыло, продолжая для порядка вежливо отнекиваться:

– Неудобно как-то, дядь Паш...

– Неудобно штаны через голову надевать, – немедленно отозвался тот, подавая Аглае полотенце. – А хорошего человека да ишшо студента завсегда накормить надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.